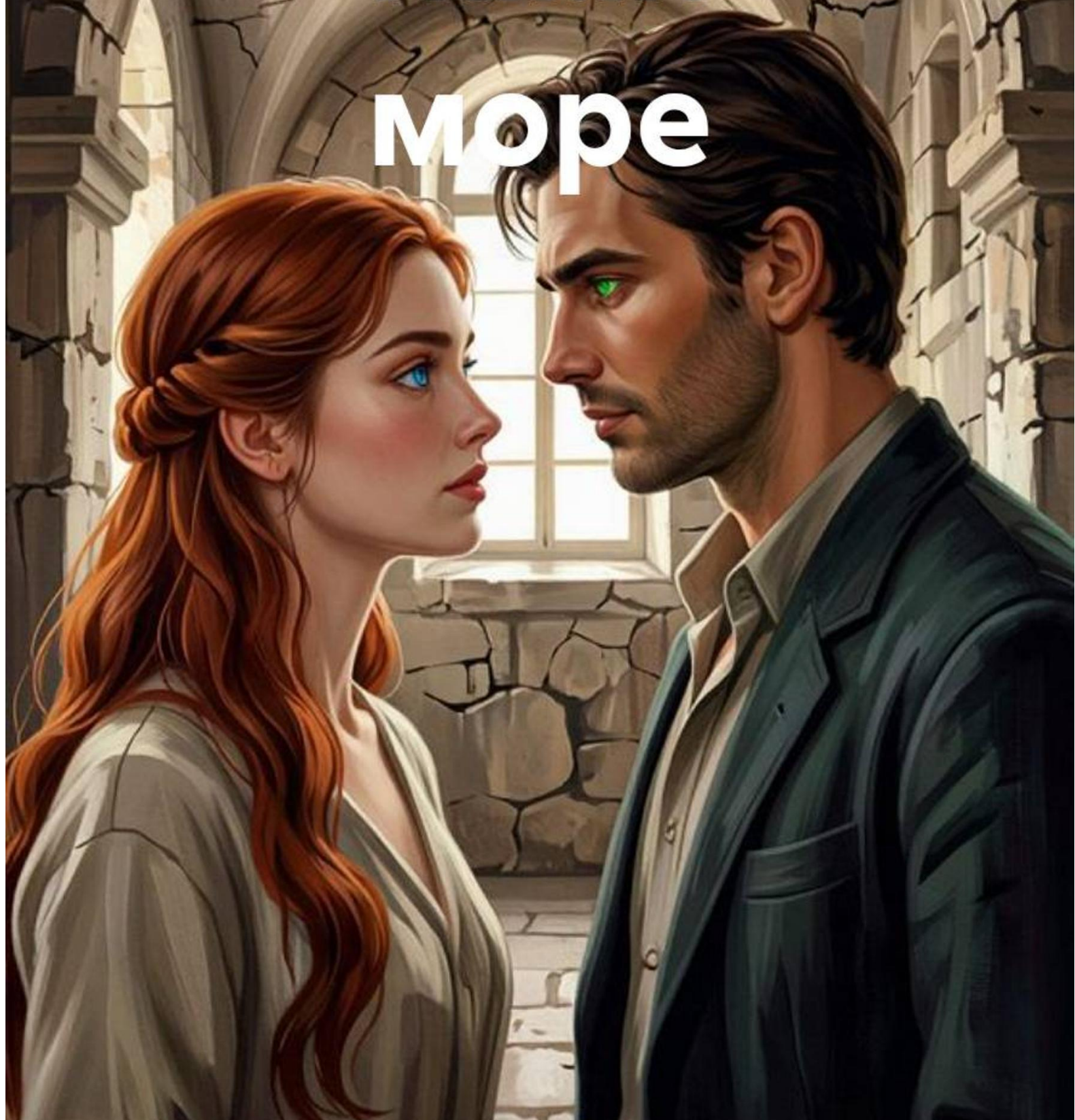

Агата К.

Между нами море

Агата К.

Между нами море

«Автор»

2026

К. А.

Между нами море / А. К. — «Автор», 2026

Она длинно волосая с голубыми глазами красавица француженка, реставратор церквей. Он — архитектор-мусульманин, высокий красивый с зелёными глазами, который боится, что верит недостаточно. Они встречаются под треснувшим сводом старой церкви на юге Франции — и начинается путь, который изменит их обоих. Но у этой любви есть цена. И им придётся её заплатить.

© К. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Агата К. Между нами море

Глава

Роман

— --

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАМЕНЬ И СВЕТ

— --

Глава 1. Амир

Архитектор не должен плакать над зданием. Это непрофессионально.

Амир стоял в центральном нефе церкви Святого Лаврентия — той, что в маленьком городке на юге Франции, где время течёт медленнее, чем где-либо ещё в Европе, — и смотрел вверх. На него смотрело небо. Точнее, то, что от него осталось: пролом в своде, через который уже сотню лет лил дождь, рос плющ и залетали голуби.

Ему сказали: «Обследуй. Дай заключение. Мы не уверены, что её вообще можно спасти».

Он провёл в церкви четыре часа. Считал трещины, делал замеры, фотографировал каждую арку. Но всё это время в голове звучала одна мысль, которую он не мог озвучить даже самому себе: это красиво. Не просто красиво — это было построено людьми, которые знали, что не увидят её завершённой. Они строили для тех, кто придёт после. Для незнакомцев. Для Бога.

Амир вырос в семье, где вера была не выбором, а воздухом. Ты не решаешь дышать. Ты просто дышишь. И когда он смотрел на эти камни, он чувствовал то же самое — что кто-то дышал здесь до него, и это дыхание осталось в стенах.

— Вы задержите меня до ночи, если будете так стоять.

Голос прозвучал резко, с той французской небрежностью, которая всегда казалась Амиру почти оскорбительной. Он обернулся.

Женщина. Лет двадцати пяти, может, чуть больше. В рабочем комбинезоне, перепачканном известью, с косынкой на голове, из-под которой выбивались светлые пряди. В руках — шпатель и ведро с чем-то серым. Она смотрела на него с явным нетерпением.

— Простите?

— Я говорю: вы стоите на моих лесах. Мне нужно работать. — Она кивнула вниз, на металлические конструкции у его ног. — Если вы планируете простоять здесь ещё час, я могу, конечно, подождать. Но я бы предпочла, чтобы вы отошли. Хотя бы на метр.

Амир сделал шаг назад, скорее из вежливости, чем от понимания.

— Простите. Я не заметил.

— Все не замечают. — Она уже прошла мимо, взобралась на леса с лёгкостью, которая выдавала годы практики. — Вы из комиссии? Из Парижа?

— Нет. Я архитектор. Меня зовут Амир.

Она не обернулась.

— Ева. Реставратор. И, если вам интересно, свод можно спасти. Но не так, как они хотят.

Он замер.

— А как?

Ева остановилась, обернулась. Посмотрела на него сверху вниз — оценивающе, без всякой улыбки.

— Сначала нужно понять, зачем его вообще строили таким. — Она обвела рукой пространство нефа. — Эти люди верили, что свет — это Бог. Они делали окна не для того, чтобы было светло. Они делали их, чтобы было видно Бога. Если вы это поймёте, вы поймёте, как чинить.

Амир молчал. Он не ожидал услышать это от женщины с ведром извести.

— Я вернусь завтра, — сказал он наконец. — Можно?

— Церковь не моя. — Ева пожала плечами и отвернулась. — Приходите. Только не стойте на моих лесах.

— --

Глава 2. Ева

Ева не любила людей, которые приходили в церковь смотреть.

Она любила людей, которые приходили работать. Каменщиков, плотников, электриков. Тех, кто ругался, когда что-то не получалось, и молчал, когда получалось. С ними было просто. Они не говорили о «духовности». Они говорили о том, что этот камень не держится, потому что его положили не так четыреста лет назад, и теперь она должна это исправить.

Амир был другим. Он пришёл в костюме — в костюме, в церкви, где всё было в пыли, — и смотрел вверх так, будто видел что-то, чего не видела она.

Это её раздражало.

Ева выросла в семье, где о религии не говорили вообще. Не запрещали, не спорили — просто не говорили. Как о погоде в стране, где никогда не бывает дождя. Она крестилась в младенчестве, потому что так было принято у бабушки, но бабушка умерла, когда Еве было семь, и вместе с ней исчезла последняя ниточка, которая связывала её с чем-то большим.

Она не верила в Бога. Но она верила в эти стены. В то, что люди, которые их строили, верили. И это было для неё достаточно.

Амир вернулся на следующий день. И через день. И ещё через день.

Он не мешал. Почти не говорил. Просто ходил, смотрел, делал пометки в блокноте. Иногда останавливался и долго стоял перед какой-нибудь деталью — резной капителью, витражом, даже просто трещиной в стене. И Ева ловила себя на том, что наблюдает за ним.

Он был не похож на тех мужчин, которых она знала. В нём не было этой европейской лёгкости, этого «всё нормально, детка». Он был как эти камни — тяжёлый, молчаливый, с чем-то глубоко внутри, что не показывается сразу.

Однажды она не выдержала.

— Почему вы всё время молчите?

Амир поднял на неё глаза. Он сидел на скамье у стены, с блокнотом на коленях.

— Я думал, вам не нравится, когда говорят.

— Мне не нравится, когда говорят ни о чём. Но вы явно думаете о чём-то. — Она села напротив, вытерла руки о комбинезон. — О чём?

Он помолчал. Посмотрел на свод.

— О том, что эти люди знали что-то, чего мы не знаем. Они строили здание, которое будет стоять дольше, чем их жизнь. Они не пытались успеть. Они знали, что не увидят конца. — Он перевёл взгляд на неё. — Вы можете так?

Ева нахмурилась.

— Что — так?

— Работать, зная, что не увидите результата.

Она хотела ответить легко, с шуткой, как обычно. Но почему-то не смогла.

— Не знаю, — сказала она честно. — Наверное, нет. Я хочу видеть, что сделала.

Амир кивнул. И в этом кивке было что-то такое, от чего ей вдруг стало не по себе. Не осуждение. Понимание. Будто он знал о ней что-то, чего она сама ещё не поняла.

— А вы? — спросила она, чтобы перевести разговор. — Вы можете?

Он не ответил сразу. Долго смотрел на алтарь, на то место, где когда-то стоял крест, а теперь была пустота.

— Я не знаю, — сказал он тихо. — Но я должен.

Ева не спросила, что он имеет в виду. Что-то подсказывало ей, что ответ будет слишком тяжёлым. И что она не готова его услышать.

— --

Глава 3. Ева

Дождь начался внезапно, как это бывает только на юге Франции — стена воды, которая обрушивается с неба без предупреждения. Ева как раз заканчивала работу на лесах, когда первые капли ударили по свинцовой кровле. К тому моменту, как она спустилась, лило так, что не было видно соседнего дома.

Она стояла в притворе церкви, у тяжёлой деревянной двери, и смотрела, как вода заливает площадь. Куртка промокла насквозь. В мастерской, в двух кварталах отсюда, был зонт. Но идти туда означало промокнуть ещё сильнее.

— У меня есть машина.

Ева обернулась. Амир стоял у колонны, в тени, и она не заметила его раньше. В руке — ключи.

— Вы всё ещё здесь?

— Смотрел на трещину в северной стене. Дождь застал. — Он кивнул в сторону выхода. — Я могу отвезти вас. Куда нужно.

Ева хотела отказаться. Она всегда отказывалась. Это было проще — не быть обязанной, не оказаться в чужой машине, не сидеть рядом с кем-то, кто задаёт вопросы.

Но дождь не собирался заканчиваться. И она слишком устала, чтобы идти пешком.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо.

— --

Машина была старой, но чистой. Пахло чем-то незнакомым — не табаком, не освежителем. Чем-то тёплым, вроде специй. Ева села на пассажирское сиденье, прижала мокрую сумку к груди, чтобы не намочить обивку.

— Куда? — спросил Амир, заводя мотор.

— Rue des Teinturiers. Там есть мастерская, я снимаю угол.

Он кивнул, тронулся с места. Дворники едва справлялись с водой. Улицы были пустыми, город будто вымер.

Некоторое время они ехали молча. Ева смотрела в окно, на размытые огни, на потоки воды вдоль тротуаров. Она ждала, что он что-нибудь скажет — про церковь, про работу, про дождь. Но он молчал. Просто вёл.

— Вы всегда такой тихий? — спросила она наконец.

— Не всегда. — Он не отрывал глаз от дороги. — Но я не люблю говорить ни о чём.

Ева усмехнулась.

— Это вы у меня научились?

— Может быть.

Она посмотрела на него. Профиль, руки на руле, спокойные. В нём не было ни капли того напряжения, которое она привыкла видеть в мужчинах, когда они оставались с ней наедине. Не было попытки понравиться, заполнить тишину, что-то доказать. Он просто был здесь.

Это было странно. И почему-то от этого хотелось говорить.

— Я не люблю церкви, — сказала она вдруг.

Амир чуть повернул голову, но не сказал ничего.

— Не в смысле — ненавижу. Просто... — Она поморщилась, подбирая слова. — Когда я была маленькой, бабушка водила меня в церковь. Каждое воскресенье. Я сидела на скамье и смотрела на людей, которые молились. И мне казалось, что они знают что-то, чего не знаю я.

Что есть какая-то дверь, в которую они все могут войти, а я — нет. Потому что я не понимаю пароля.

Амир молчал. Дворники мерно скрипели по стеклу.

— Потом бабушка умерла. Мне было семь. И я перестала ходить. — Ева смотрела на свои руки, на пятна извести под ногтями. — Но иногда, когда я работаю в старых церквях, я чувствую это снова. Что все вокруг знают что-то, а я стою снаружи и смотрю через стекло.

Она замолчала. Не знала, зачем это рассказала. Может, потому что дождь. Может, потому что он не задавал вопросов. Может, потому что впервые за долгое время ей хотелось, чтобы кто-то просто послушал.

Амир свернул на её улицу. Остановил машину. Мотор работал тихо, дождь барабанил по крыше.

— Я тоже не всегда понимаю, — сказал он тихо.

Ева подняла на него глаза.

— Что вы имеете в виду?

Он помолчал. Посмотрел на неё — прямо, без улыбки.

— Я вырос в семье, где вера — это не выбор. Это как воздух. Ты не думаешь о ней, ты просто дышишь. — Он сжал руль чуть сильнее. — Но иногда я смотрю на людей, которые верят по-настоящему. Которые могут просто... знать. И я завидую им. Потому что я не знаю. Я только делаю то, что должен.

Ева молчала. Она не ожидала этого. Не ожидала, что он поймёт.

— Значит, мы оба стоим снаружи, — сказала она.

Амир кивнул.

— Похоже на то.

В машине было тихо. Только дождь и дыхание.

— Спасибо, что подвезли, — сказала Ева, открывая дверь.

— Не за что.

Она выбралась наружу, под дождь, и уже собиралась захлопнуть дверь, когда он окликнул её:

— Ева.

Она обернулась. Вода стекала по лицу, по волосам.

— Завтра я приду снова, — сказал он. — Не для работы. Просто приду.

Ева кивнула. Не улыбнулась, не сказала ничего. Просто закрыла дверь и пошла к мастерской, чувствуя, как сердце бьётся где-то не там, где должно.

— --

Глава 4. Амир

Он не должен был этого говорить.

Всю дорогу до своего съёмного жилья Амир повторял это про себя. Не должен был. Не должен был рассказывать ей о том, что чувствует. Не должен был признаваться, что завидует тем, кто умеет верить. Не должен был обещать прийти.

Но он обещал. И знал, что придёт.

Его квартира была маленькой, с окнами на внутренний двор. На столе — фотография семьи. Отец, мать, две сестры, брат. Все — в праздничных одеждах, в день свадьбы старшей сестры. Амир стоял с краю, чуть в стороне от остальных. Он всегда стоял чуть в стороне.

Телефон завибрировал. Сообщение от матери.

«Ты не звонил три дня. Всё хорошо?»

Он взял телефон, посмотрел на экран. Потом положил обратно.

Не сейчас. Он не мог говорить с ней сейчас. Не после того, как весь вечер думал о женщине, которая не верит в Бога, но чувствует стены. О женщине, которая стоит снаружи и смотрит через стекло. Как и он.

Он подошёл к окну. Дождь продолжал лить. Где-то там, в двух кварталах отсюда, Ева, наверное, сидит в мастерской, пьёт чай и думает о том же, о чём и он.

Мы оба стоим снаружи.

Он не знал, что будет дальше. Но впервые за долгое время ему не хотелось думать о будущем. Ему хотелось просто быть здесь. Сейчас. В этом городе. С этой трещиной в церкви, которую он не знал, как починить. И с этой женщиной, которая почему-то видела его насквозь.

Амир закрыл глаза.

Завтра он придёт. И это будет ошибкой. Он знал это уже тогда.

Но он всё равно придёт.

— --

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.